

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.8-11

ГРАЖДАНИН НАЧАЛЬНИК

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№9 (247)
МАРТ 2025

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.14-17

ТАМ, ЗА ТУМАНАМИ

СТР.4-7

БААДУР ЦУЛАДЗЕ, КИНО, ОДЕССА...

ГРАЖДАНСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ

Я впервые увидел его в 1998 году в фильме Владимира Грамматикова «Привет от Чарли-трубача». Роль у него была не главная, но сыграл он ее так, что запомнился.

И не просто запомнил. Появилось желание познакомиться и пообщаться.

А встреча наша состоялась в театре «Мастерская Петра Фоменко» спустя девять лет, конда Юрий Степанов уже стал очень популярен.

Судьба отмерила актеру всего 42 года. У него была успешная карьера, счастливая семейная жизнь - с супругой Ириной они ждали третьего сына.

Но 3 марта 2010 года Юрий после спектакля «Три сестры» поймал попутку...

Эта поездка стала для него последней.

Удивительно, что за несколько лет до аварии наш разговор начался как раз с того, что таксисты наотрез отказывались брать со Степанова деньги - так запал им в душу обаятельный Паша Пафнутьев из сериала «Гражданин начальник».

Геннадий Норд

- Это правда, что теперь ты все время ездешь бесплатно?

- Не всегда, хотя довольно часто. Допустим, сажусь в машину. Вижу, водитель узнал меня, но молчит. И я благодарен ему за это - настроение-то бывает разное, не всегда хочется общаться. В конце поездки протягиваю деньги, а он:

- Обижает, гражданин начальник!

Я спрашиваю:

- Ты в театр ходишь? Билет покупаешь? Так почему же меня должен возить бесплатно? Возьми хотя бы на бензин.

Одного удается уломать, другой сразу предупреждает, что денег не возьмет, третий вдруг заявляет:

- Со своих не беру.

И я уже не понимаю: он артист или сотрудник правоохранительных органов?

А бывает, останавливается иномарка:

- Ты домой? Ну, садись, расскажешь, где живешь.

Тут понятно, что человек зарабатывает явно не извозом, и спрашивать его о цене просто глупо. Впрочем, из театра меня в основном возят друзья. Спектакли заканчиваются поздно, а живу я в «деревне» - в районе Братеево на окраине Москвы.

- В деревне без машины нельзя.

- Правильно. Я планировал ее купить, даже предварительно о гараже рядом с домом позаботился. Но потом подумал и решил с машиной повременить. Если бы я регулярно снимался в кино, наверное, было бы проще. А мое постоянное место работы «Мастерская Петра Фоменко». Там свой график, нарушать который я не могу, потому и участвовать в таких крупных проектах, как «Гражданин начальник», у меня получается нечасто.

В театре сейчас тоже платят неплохо, но с кино все-таки не сравнить. А коль уж я в семье добытчик, то должен думать, что завтра будут есть мои жена и дети. Ведь и квартиру, в которой мы сейчас живем, помог купить театр. А до этого он много лет снимал мне жилье. Так что не мог я потратить сразу весь гонорар за «Гражданина начальника» на покупку машины.

- Но если с помощью кино прокормить семью проще, может, стоит отдать предпочтение кино, а не театру?

- Не-е... Вот недавно мне опять предлагали большой кинопроект с хорошими деньгами, съемками за границей. Но, чтобы в нем участвовать, нужно было уйти от Фоменко. А я не могу. Я ведь в этом театре уже пятнадцать лет. Наш курс - я учился у Петра Наумовича в ГИТИСе - строил его.

Конечно, кино - большой соблазн. Но театр - мой дом. И супруга Ирина меня понимает. Она сказала:

- Не переживай. Всех денег не заработаешь.

- Где ты такую понимающую жену нашел?

В фильме «В Париж»

В фильме «Жмурки»

В фильме «Штрафбат»

- Она по профессии закройщик-портной. До знакомства со мной не видела ни одного

спектакля с моим участием. И вообще не знала, что есть такой актер Юрий Степанов.

- Как же вы познакомились?

- Она не москвичка. Приехала в гости, а одной из приятельниц как раз предложили пошить костюмы к премьерному спектаклю в театре Фоменко, где я должен был играть. Приятельница пригласила Ирину в бригаду. С тех пор она в театре. На примерке в первый раз мы и встретились.

- И, конечно, сразу поняли, что не можете друг без друга?

- Нет, конечно. Поговорили, пообщались. После первой примерки мы с водителем подвозили Ирину до Маяковки? А до этого, представляешь, шофер Саша мне все уши прожужжал:

- Там такая девушка! Такая девушка!

- Интересно!

- Работа над костюмами вскоре закончилась. Ирина перестала приходить в театр. Но однажды мы с ней случайно встретились в Измайловском парке. Я был с друзьями, она - с подружкой Виолеттой. Ну:

- Здравствуйте!

- Здравствуйте!

Закрутился роман. И вдруг меня как током шибануло: я увидел в Ире хозяйку своего дома, не хотел с ней расставаться. Вроде бы хорошее желание. Но меня оно испугало. Я ведь долгие годы об оседлой жизни не думал.

Студенчество было бурное: много ездил, люди вокруг менялись. Я привык к такому образу жизни, и меня в ней как будто все устраивало.

Но я бы не сказал, что события развивались бурно. Просто однажды перед гастролями в Германию я ей предложил:

- Пока меня нет, можешь пожить в моей квартире.

А потом приехал Ирин папа и захотел познакомиться. После спектакля встретились. Состоялся серьезный разговор. Ко мне присматривались. Меня буквально сверлили глазами.

- Не настаивали, чтобы ты завтра же повел дочь под венец?

- Для родителей любой девушки это важный вопрос. А в нашем случае, наверняка, действовал еще и стереотип, что актеры - люди непостоянные. Но, слава Богу, будущий тесть прекрасно понимал, что это наша с Ирой жизнь и только мы сами можем решить, как ее строить.

- Как решили?

- Во всяком случае, в ЗАГС на следующий же день не побежали. Честно говоря, меня вполне устраивал гражданский брак. Так получилось - я многие годы жил «без родины, без флага». Из поселка Тайгурка выписался, когда приехал поступать в Москву, а после учебы обратно не прописался.

Потом у нас с Ириной родился Константин, я купил им квартиру, они прописались, спасибо, что меня, бомжа, пустили к себе ночевать. А я так и остался никем и нигде. В конце концов, супруга не выдержала:

С Виктором Супруном в фильме «Гражданин начальник»

В фильме «Артистка»

Окончание. Начало на с.9

- Ну хватит уже, Степанов! Давай официально тебя здесь пропишем.

А как это сделать? На каком основании? Пришлось быстренько «оформить отношения». Поскольку у меня в тот день была премьера, мы с Ириной забежали в ЗАГС, поженились, записали Костика на мою фамилию, поцеловались, после чего она поехала домой, а я - на спектакль. Такая вот была «свадьба».

Причем, расписывались мы 23 февраля, а свидетельство приехали получать 1 апреля.

- Ты был с супругой во время родов?

- Нет-нет. Я это не приветствую. Даже представить не могу, что буду смотреть, как рождает моя жена. Я, конечно, догадывался, что появление ребенка на свет сопровождается неудобствами и болью. И когда Ирина рожала в течение 14 часов, просто не находил себе места. Мне было бы, наверное, легче, если бы меня ударили ножом. Невыносимо столько времени ждать, терпеть.

Мне нравится рассказ Хемингуэя про индейский поселок. Жена воина не могла родить, долго мучилась, кричала. Наконец ей сделали кесарево сечение, после чего радостные соплеменники стали искать ее мужа. Оказалось, он не вынес страданий любимой и вскрыл себе вены.

- Откуда такие мрачные мысли?

- Это жизнь. Ну, в самом деле, чем может муж помочь рожаящей жене? Константин появился на свет в декабре, и в тот Новый год я единственный раз в жизни был дома один. Купил елочку, что-то приготовил, выпил. А до этого днем поехал в больницу. Знакомая медсестра спрашивает:

- Хочешь сына посмотреть?

- Конечно, хочу!

Под видом педиатра в халате, с фонендоскопом на шее прохожу в детское отделение.

Слышу:

- Вот твой!

У меня внутри все перевернулось. Я так и застыл на месте. Очнулся, когда медсестра развернула Костю, а потом снова начала пеленать.

Целый год не мог привыкнуть к тому, что Константин - часть меня, но как бы уже и не я. Нет, эти чувства описать словами невозможно.

Воспитывать детей сложно. А если еще учесть, что Москва - большая перевалочная база и здесь много всякого рода грязи, становится просто страшно.

- Не ко всем грязь прилипает. И в период твоего детства ее наверняка было немало.

- Верно. И мой отец очень боялся за меня. Потому и пристраивал на все каникулы куда-нибудь поработать. Я был каменщиком, плотником. Добывал нефть и ездил на тракторе, пока однажды не за-

садил его в болото. У отца - боксера - молодость была лихая: и с урками водился, и сам не раз, как говорят, был на грани. Но это было очень давно. Не то чтобы он запрещал мне водиться с такими людьми - просто очень не хотел, чтобы я по молодости вляпался во что-нибудь дурное.

- Не вляпался?

- Всякое было. До сих пор, иногда, вспоминая, вздрагиваю: слава Богу, жив остался.

Я ведь родился в глухомани: Черемховский район, поселок Рысьево. От Иркутска 170 километров. У родителей кроме

меня было еще двое детей, я - младший.

Сначала мы жили в колхозе «Краснозобойщик», и я долго думал, что название происходит от того, что некий красивый человек забивает коров и свиней.

Потом семья переехала в поселок городского типа. Отец был назначен директором бедного совхоза, который вскоре превратил в совхоз-миллионер. У нас появилась машина. Мы жили в хорошем коттедже с ванной и туалетом.

Но до самой смерти отец переживал, чтобы кто-нибудь не сказал про него, что директорские дети живут лучше других. У нас не было никаких привилегий. Нас не возили в школу на машине, в доме не было золота и бриллиантов.

Когда отец умер, некоторые пришли к нам из любопытства - посмотреть, как мы жили. И я увидел в глазах людей большое разочарование: они думали, что директор много богаче.

- За что убили твоего отца?

- Отца убили за то, что он не шел на компромиссы. Просто выстрелили из карабина и все. А когда его не стало, хозяйство разворовали. Я был там потом - от совхоза ничего не осталось. Вообще!

- А чем занималась мама? Вела дом?

- Конечно. Но и работала. Как и отец, она окончила сельскохозяйственный институт, там родители и познакомились.

Но мама всегда мечтала быть учителем и спустя несколько лет получила в Красноярске еще и педагогическое образование. Преподавала химию, биологию, прививала детям любовь к литературе. Она была жестким педагогом, многих неблагополучных ребят спасла.

При этом мама всю жизнь давала отцу советы по сельскому хозяйству и делала это настолько профессионально, что он много раз порывался создать для нее лабораторию.

Сам отец работал по 14 часов в день, естественно, мог брать в совхозе и мясо, и молоко. Но в нашей семье всегда было свое хозяйство: огород, коровы, свиньи. Причем, долгие годы все это висело на мне. Сестра училась в мединституте, брат в летном училище. А я был еще школьником. К тому же, успевал заниматься боксом и должен был умудряться находить время для охоты и рыбалки. Это хобби с детства: еще до школы я уже прилично стрелял из винтовки. Всегда - на спор с отцом. И всегда он выигрывал.

- Кажется, ты так и остался настоящим сибирским мужиком. Носишь льняную одежду, сшитую женой, ездешь на охоту, сам солишь вкуснейшее сало. Даже живешь в деревне.

- Так и есть. Без ложной скромности скажу - в смысле адаптации к новому месту я закаленный человек. Но, несмотря на то, что живу в Москве много лет, москвичом так и не стал. Более того, я знаю, что никогда не привыкну к этому огромному городу. Это даже не город - отдельная страна. А я лишь ее гражданин. Здесь моя работа, которую я стараюсь делать честно и благодаря которой содержу свою семью. Тем не менее, последнее десятилетие своей жизни я бы хотел провести в настоящей деревне. Желательно, поближе к Байкалу.

- Как получилось, что ты стал актером? С чего все началось?

- Когда мне было пять лет, мы переехали в поселок Пятёрцы Усольского района, и это место осталось в моей памяти как уголок, где жили люди, которых можно назвать героями моего времени.

В фильме «Первый после Бога»

С женой

В первую очередь, это чета Абсандулевых – Анатолий Владимирович и Людмила Николаевна: он был директором местного Дома культуры имени Дзержинского, она – его художественным руководителем. У Людмилы Николаевны Абсандулевой я занимался танцами, что очень поощрялось моими родителями. С этого-то все и началось. У нас бывали выезды и показы по деревням, потом появились и сольные программы.

Именно Людмила Николаевна подготовила меня к поступлению в Иркутское театральное училище. А оттуда меня уже пригласили сюда – в Москву, в Мастерскую Петра Фоменко. В то время часто практиковалось кураторство московскими вузами провинциальных учебных заведений, и человеком, который открыл мне путь к московской деятельности, была Ольга Васильевна Фирсова – в определенном смысле, моя крестная мать. Именно она, приехав в Иркутск, рассказала мне о Петре Наумовиче Фоменко и пригласила в Москву, чем, как ты понимаешь, круто изменила мою жизнь.

- Знаю, что пробы для тебя - любимое занятие, а как же первое приглашение в кино? Тоже без проб?

- Самое первое знакомство с камерой - это в «Гробовщике» Петра Наумовича. Конечно, там проб никаких не было. Потом был маленький эпизод «Орел и Решка» у Данелии. Тоже без проб. Поговорили и все.

Уже большое кино - это «Время танцора». Вот там пробы были. Но сначала мы много репетировали, готовились. Вадим Юсупович Абдрашитов не просто сказал:

- А давайте.

Нет. Мы зашли в кабинет, долго разговаривали, пристраивались. И только потом состоялся какой-то показ: один, второй, третий, раз пять. Потом он сказал, что все найдены, пора работать.

Вообще проб в моей жизни было мало. На «Гражданин начальник» проб не было. Достал меня как увидел, рассказал, что он хочет и все.

А вот на «Штрафбат» я пробовался. Николай Николаевич велел. Во-первых, он сначала позвонил:

- В последний раз, когда я тебя видел, ты был не совсем в физической форме.

А я тогда не работал месяца два, сидел дома, чего-то смотрел, чего-то читал и сильно растолстел. Сто шестнадцать килограммов где-то было.

Достал позвонил, мол, такая работа, «Штрафбат», одно название говорит само за себя. Но когда я пришел, он посмотрел и сказал:

- Внешность меня устраивает. А теперь будем пробоваться.

Я и пробовался, потому что еще актеры пробовались на эту роль.

- А какая роль у тебя самая любимая в кино, в театре? Или правильней спросить, кого тебе интересней играть? Ведь ты перевоплощался и в милиционера, и в вора.

- Если спросить у отца какой ребенок у него самый любимый, то вряд ли он сможет ответить. Для меня тоже нет самых любимых ролей. Есть более сложные, есть менее сложные. А интерес? Если ты не найдешь своего интереса в этой роли, зачем вообще тогда что-то делать?

Да, конечно, зарабатывать деньги - это нормально, потому что не всегда идешь, когда - ах, мне понравился материал. Нет. Ты идешь, как вытачивать детали на заводе. Но ты должен найти в каждой роли свой интерес, чтобы не получилось «отработал и пошел».

И каждая роль - это кусок жизни, это какие-то свои приключения, своя еда, свое время, которое уходит и о котором вспоминаешь так или иначе.

- Ну, может это и есть высшая похвала работе, которую сделал актер?

С семьей

- Похвала остается только в слове «похвала». На самом деле есть некие действия, которые могут раздражать или утомлять.

Понимаешь, когда Броневому стекла в гримерке разбивали после того, как он Мюллера сыграл. Такая ненависть была к нему. Но нельзя переносить с роли на жизнь, или с одной роли на другую.

- А все-таки кого играть проще? Плохого или хорошего героя?

- Например, у меня есть «Стилет». Чтобы о нем не говорили, но это - кусок моей жизни. И я думал на эту тему, каким должен быть мой герой. Я его тянул больше в позитивную линию, чтобы с человеческой точки зрения в нем дух оставался.

А если же отрицательный персонаж прямо отрицателен, его тоже выписать надо, ведь интересно найти в нем живую линию отстранения от отрицательного персонажа. Но она не должна быть ведущей, потому что многие сейчас увлекаются именно тем, что из злодеев делают хороших людей. Нельзя. Злодеи есть и их нужно выявлять, их нужно показывать. И чем тоньше я сыграю этого негодяя, тем...

Вот в «Московских окнах». Мне говорят, мол, чего ты там, пришел-ушел. Нет, ребята, мне нужно сделать эту мразь мразью. Чтобы все поняли, что он есть. Что они есть.

- Портрет той эпохи получился.

- Конечно. Просто я таких видел очень много у отца в кабинете. Я сидел и наблюдал за этими людьми. Отец, казалось, даже издевался над ними. Они меняли свое мнение, а он радовался. После отец говорил:

- Вот видишь?

И он не имел права этих людей заменить, потому что их обком поставил. Он был начальник, но... Я помню, как для того, чтобы ему просто куда-то уехать с семьей иногда приходилось даже номера на машине менять. Не дай Бог, кто узнает, что он уехал по своим делам. Сразу стучали. За ним следили сотни глаз, искали малейшую зацепку, чтобы его выкинуть с места. Он был человек бескомпромиссный. В конце концов, они добились своего. Все проще сделали.

Сейчас все стало по-другому. Сестра приезжала, рассказывала. Все выбили, все выпилили, все продали. Такая тоска. Отец культивировал этот совхоз более двадцати лет. Это был совхоз-миллионер. Четырнадцать тысяч гектар! Его убили и все! А теперь даже полгектара нет. За один год распродали все, что он собирал двадцать с лишним лет. И где эти деньги? Все пропили. Как-то приехал в отпуск домой, поехали мы с братом на охоту. А леса нет. Пустыня. И я ещё тут приехал, такой красавец с ружьем.

- Кино дает больше денег, чем театр, но тем не менее театр у тебя в приоритете. Получается,

очень тонкий баланс между заработком, профессией и призванием?

- Да никаких балансов нет. В кино я трачу тот потенциал, что нарабатываю в театре. Слава Богу, что я попал к таким мастерам как Абдрашитов, как Досталь. Они много репетируют с актерами. Я не хочу сказать, что остальные не репетируют, но есть такие картины, когда ты сам должен быть готов к роли. К сожалению, актер вынужден думать, лепить все от себя. Он и актер, он и режиссер.

В театре же пополняешь свой актерский багаж. Петр Наумович всегда говорит:

- Никогда не теряйте то место, куда можно прийти и зализать свои раны.

На данный момент для меня такое место - мой театр, куда я прихожу и зализываю свои раны. И мне в этом помогают. К счастью, а потом работать с такими мастерами как Женовач, как Каменькович, как Фоменко...

Нужно впитывать и впитывать, пока они дают. У меня к ним меркантильный интерес, потому что я понимаю, что Сергей Васильевич скоро наберет свой курс и у него будут свои проблемы, а я до сих пор в нем иногда просто нуждаюсь. И пока у меня есть возможность ему позвонить и посоветоваться, этим надо пользоваться.

Да и в кино такие партнеры мне попадаются. С Лешей Серебряковым мы работали в «Штрафбате» и сейчас ещё в одном проекте. Он - щедрый человек, двадцать пять лет в кино. И Досталь может в любой момент остановить съемку и рассказывать тебе. И это тоже будет довольно щедро.

- Самое важное, что цепляет тебя в твоей профессии?

- Меня цепляет моя встреча со зрителями. Я думаю, феномен нашего театра заключается в том, что все переживают о том, поймет ли зритель ту мысль, которой мы хотели поделиться с ним. Начиная от возможности импровизации и заканчивая глобальной концепцией, что должно получиться в финале и как к этому прийти. Это касается каждой роли. Независимо от ее сложности, от ее известности.

Понятно, что «Мотылек» и «Три сестры» - два абсолютно разных спектакля. «Мотылек» - вот-вот только написан, два года назад, а «Три сестры»... Я не знаю такого театра, где бы не ставили этот спектакль.